

Фокус внимания

— Это тот Кирпиков, который в седьмом «Б»? Не... Я не буду с ним дела иметь, сами идите! — возмущаюсь я нашим ребятам из совета старшеклассников, — Во всей школе не могли другого оператора найти, а не этого чувака?

Наш вечный оператор Тёма с одиннадцатого «А» уехал на крутую стажировку, а когда мы воззвали его в срочном порядке обратно, скупко написал, что заменить его может только Кирпиков. Никакой маломальской связи между ними мы не вычислили и оставили расследование на будущее.

Кирпиков — человек со стеклянным взглядом и патлатой головой, как две капли воды похожей на голову деревянной черепахи, которую вручил мне в прошлом месяце старший брат, вернувшись из Китая. Черепашья голова раскачивалась вверх-вниз, стоило только до нее дотронуться. Арсений Кирпиков ходил по школе так же, как эта черепаха, если бы она могла ходить. Весь он был какой-то помятый и заспанный. Но дело не только в этом.

В октябре нашему девятому на день самоуправления достались разные классы, в основном пятые и шестые. Только мне с Маргаритой достались семиклассники. Только мне достался русский в седьмом «Б» и сочувственный взмах рукой в мою сторону русички Киры Олеговны:

— Сейчас им ничего не надо. Просто выдержи эти тридцать пять минут. Все же на десять минут меньше, чем стандартный урок.

Она открыла дверь в класс и посмотрела на меня как инструктор по прыжкам с парашютом, собирающийся выпнуть новичка в открытый люк самолета.

Моим парашютом была заготовленная десятиминутная проверочная работа.

Парашют не раскрылся, потому что злодей Кирпиков сказал, что это не дело, когда учащаяся всего на два класса старше будет «тестить» их в учительский праздник. Тогда я не знала, что это он и есть. Тогда он просто поднялся со второй парты, в белой толстовке почему-то с Бродским на груди, прищурился на мой бейджик и заунывным голосом обрубил:

— Алина, ведь проверочные эти для учителей самое простое. Это нечестно.

И дальше про несправедливость. Запустил пятерню в свою лохматую шевелюру, так, что пальцы скрылись в ней точно в бездне.

С ближних девчоночьих парт зашелестело «Кирпиков debil», а с тех, что подальше — мальчишечье грубое «Зачет, Кирпиков».

И вообще... Сегодня праздничный день. Тесты и контрольные задолбали. И что ли я не человек — не понимаю, как все устали?

Пришлось выкручиваться фальшивой улыбкой и словарным диктантом из двадцати слов. Проверяли они сами друг у друга. Потом я превозносила умение красиво выражаться, мы поупражнялись в выразительности речи (часы на руке будто замерли), а я думала, что быть Кириной любимицей — слишком тяжелое бремя сегодняшнего, ну совсем не триумфа.

Честно, хотелось тогда наподдать этому выскочке. Но я промолчала.

И вот этот провокатор Кирпиков оказался единственным в школе, кто сможет профессионально (?) отснять наш танцевально-драматический номер и сделать ролик на конкурс.

Ребята успокаивали:

— Алин, чего ты так заморачиваешься? Тёмьча все равно нет. А он посоветовал этого.... Сказал, у него дома мощная редакторская программа, и заставку с нейросетью сделает.

— Айтишник, блин, малолетний, — фыркнула я и ... сдалась.

В пятницу после шестого урока мы договорились встретиться в актовом зале. Я предупредила нашего физрука, что будет съемка, и никаких прыжков и беготни мне не надо, все же ролик – честь школы, и он отпустил меня с урока. Я пошла в столовую.

За дальним столом в углу сидел Кирпиков в той самой белой толстовке, с телефоном и двумя стаканами морса. Я под села к нему.

— Кирпиков, зачем тебе Бродский?

— Чё?

— На твоей толстовке его портрет.

— А ... Мне — незачем, — он отхлебнул из стакана и вытер губы салфеткой.

— Поэтому ты залил его морсом?

Кирпиков опустил голову.

— Случайно толкнули.

— Если незачем, зачем носишь? — я не унималась.

— Мать отцу подарила на день рождения, а она села потом.

— Мать «села»? – я плохо играла, прекрасно понимая, что имел ввиду Кирпиков.

— Села после стирки, – он взял второй стакан, — Ему мала стала, а мне нормально.

— Это знаменитый поэт. Иосиф Бродский. Странно, что ты не знаешь его, если твоему отцу дарят *такие* подарки.

— Алина, пойдём работать, неизвестно, сколько времени уйдет, а мне еще монтировать, — Кирпиков поднялся, отнес пустые стаканы на стойку и вернулся за рюкзаком и сумкой с видеокамерой.

— А ты давно с Тёмой общаешься? — я тоже поднялась.

Кирпиков запустил руку в шевелюру и буднично ответил:

— Давно.

— Где ты и где Тёма! Я вообще ничего не понимаю.

— Тёма на стажировке, а я иду вас снимать.

— На, вытри, — я протянула пачку влажных салфеток.

— Камера! Мотор! – крикнул вдруг звонко Кирпиков, и мы разбежались по сцене на места в ожидании первого аккорда музыкальной композиции. В конце концов, пусть делает свою работу, думала я.

Но моя работа не шла. Я сбивалась с ритма, кривила улыбку и виновато смотрела на остальных ребят.

— Стоп! — Кирпиков махнул рукой и направился в мою сторону.

— Алина, — сейчас голос его был взрослым и успокаивающим, — мне четырнадцать лет, я умею снимать, умею монтировать. Я вижу, что бешу тебя ужасно, но ты меня не бесишь. Ты очень красивая и здорово двигаешься.

— Ты за мной следишь что ли прицельно?

— Фокус внимания меняю. Время от времени.

Я смотрела на Кирпикова и не знала, что выбрать.

Через полтора часа мы на дрожащих ногах вышли, наконец, на воздух.

— Кому-то из вас надо отсмотреть монтаж, — догнал нас голос Кирпикова, — Я буду склейку делать лучших вариантов, но эти лучшие определяйте сами. Готов сегодня после семи или завтра после шести.

Все попрятались в «кусты». У Майки репетиторы в это время, у Саши баскетбол, У Даши художка и так далее. Спорили.

— Так пусть сбросит варианты, зачем тащиться-то домой? Слышь, Кирпиков, сбрось в телегу или куда?

— Слышь, это вам надо, а не мне, — передразнил Кирпиков Сашу, — опыт показывает, что лучше кто-то один будет отвечать, а чатом мы долго обсуждать будем. А у меня нет времени. Кто-то должен сидеть рядом и сказать: «Вот это оставляем».

— Я пойду, — сказала я вдруг и удивилась.

И все удивились. Даже Кирпиков.

Я пришла к нему тем же вечером. В прихожей вместе с ним меня встретила крупная рыжая собака, худая, хромая, с перебинтованной задней лапой. Она обнюхивала, а я пятилась. Рядом с ней скакал черный маленький пудель.

— Не бойся, она добрая. Но пока не гладь, на всякий случай, — и собаке, — Лада, свои, это Алина.

— А чего не гладить? Укусит?

— Я ее неделю назад только привел, лапа раненая была, на улице ее увидел, ну, в ветеринарку, конечно, вроде ничего страшного, но она, похоже, страдала в прошлой жизни. Поэтому не всем людям доверяет. Объявление дал, но пока никто ее не ищет.

— У тебя приют что ли?

— Вроде того. Ну, Филя старый, ему двенадцать лет.

— И родители разрешают?

— У меня мать только, она любит животных.

— А отец? Где?

— Умер.

— Прости...

— Пойдем работать?

Вспомнила про белую толстовку. Сейчас он был в черной футболке.

Мы довольно быстро управились с роликом, Арсений смешил, я неожиданно хохотала, аплодируя внутренне его чувству юмора. Временами он казался старше своих четырнадцати. А потом на черном пианино я увидела фото, где Кирпиков и наш Дёма стояли рядом с худым мужчиной в клетчатой кепке.

— Это папа. Он кружок вел по монтажу и звукорежиссуре, — Арсений подошел ко мне, пока я разглядывала снимок, — Да все нормально, Алин. Смотри, Лада тебя признала.

Я не заметила, что рыжая давно лизала мне ладонь.

— Забирай, она тебя полюбила.

— И заберу.

— У меня еще два кота. И попугай.

Стало легко, и теперь я могла спросить:

— А чего ты тогда выпендривался? Когда у нас самоуправление было на день учителя? Почему все нормально воспринимали, один ты... Нельзя было прикинуться? Я ж волновалась ужасно.

— «Все будут одинаковы в гробу. Так будем хоть при жизни разнолики!» — продекламировал вдруг.

— Чё? Это кто?

— Бродский.

— Ну, ты даешь! Ты знал? Когда я тебя сегодня спрашивала?

Улыбался. Знал.

— Я тебя вообще другим представляла. Как так...

— Легко. Фокус внимания, Алин.